

ЭКСПРЕССЫ ПЯТОГО ОКЕАНА

БЕСКОНЕЧНО долг путь от Москвы до Сибири — целых два часа. До Киева куда ближе: какой-нибудь час с минутами — и пассажир на берегах Днепра. Но это при условии, если скромную поездку он предпочитает кабину турбовинтового самолета «Украина». А предпочитают имются все основания. Ни говоря уже о фантастической экономии времени, стоимость воздушного путешествия от Москвы до Киева не будет превышать стоимость проезда по железной дороге. А легкий билет в поезде обойдется даже дороже.

Самолет «Украина», детище конструктора О. Антонова, как и машины А. Туполова «ТУ-104А» и «ТУ-110», и «Москва» С. Ильиншина были показаны в эти дни москвичам на поле Бианкинского аэропорта.

Всё не нужно быть авиационным специалистом, чтобы оценить по достоинству замечательные качества этих машин. Достаточно представить себя в положении человека, которому нужно с максимальной быстротой и с максимальными удобствами добраться куда-нибудь «за тридевять земель», — ну, скажем, в Тбилиси или в Хабаровске. Лучшего средства передвижения, чем самолеты, о которых идет речь, не найти.

В печати уже сообщались основные цифры, характеризующие эти машины, — их скорость, грузоподъемность, потолок полета, наконец, экономичность. Вот, к примеру, та же «Украина». Четыре турбовинтовых двигателя несут самолет на высоте до 8 тысяч метров со скоростью 600 километров в час. В пассажирских салонах, имеющих восьмью окнами, умещаются четыре человека (турристический вариант предусматривает увеличение числа пассажиров до ста двадцати шести), «климат» регулируется установкой для кондиционирования воздуха. Захотелось пассажирам пообедать, — для этого вовсе не обязательно дожидаться посадки на очередном аэродроме: тут же, на борту, стюардесса доставит проголодавшимся пушественнику с электроплитой терялку горячего супа; захотелось пить, — из холдинговника принесут бутылку ледяной воды. Не забыты и маленькие пассажиры: в самолете оборудован специальный «детский уголок».

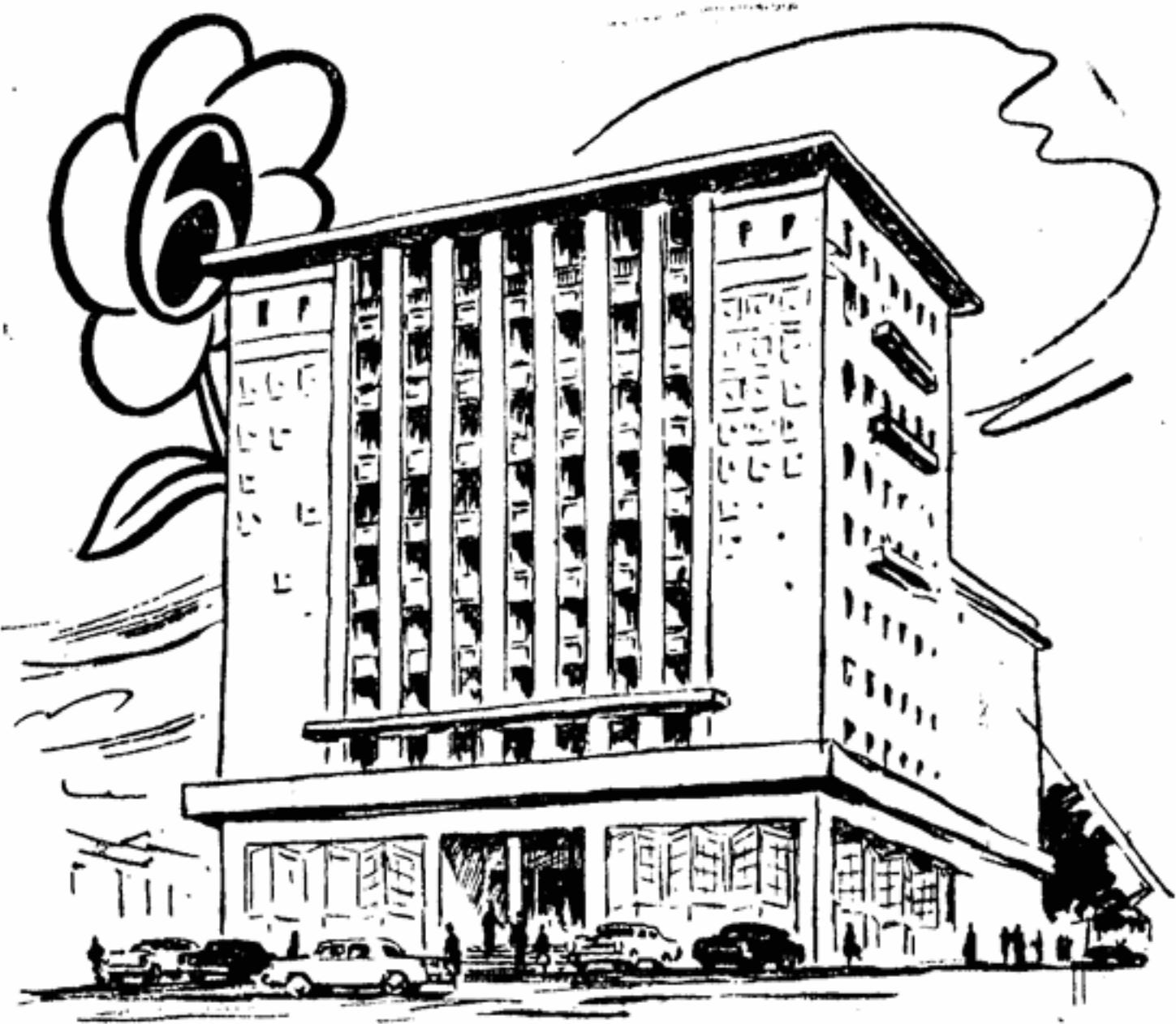
Многим тысячам людей приходилось в своей жизни совершать дальние перелеты на борту самолета «ИЛ-12». Добрая эта машина, и поймите бороздит она просторы пятого океана. Но на сколько же совершают по всем статьям юный ее собрат, творение того же Сергея Владимировича Ильиншина «ИЛ-18», носящий гордое имя «Москва»! Достаточно сравнить такие хотя бы цифры: «ИЛ-12» берет на борт двадцать с небольшим пассажиров, «Москва» — сорок пять — сто. Крейсерская скорость «ИЛ-12» равняется примерно 300 километрам в час, а у «Москвы» она достигает 600—650 километров.

С поразительной быстротой развивается отечественное самолетостроение. Да же «ТУ-104» — чудесное создание технической мысли — теперь уже, в частности, вчерашний день нашей авиации. Демонстрировавшаяся во Внуковском аэропорту «ТУ-104» вмещает вместо пятидесяти пассажиров — сорок пять — сто, из которых не стало тесне, наоборот, просторнее.

Что же сказать о «ТУ-110» — могучем воздушном экспрессе с четырьмя турбореактивными двигателями? Вот его данные: 78—100 пассажиров, крейсерская скорость — 800 километров в час, дальность полета без посадки — почти 3,5 тысячи километров. Но, оказывается, и «ТУ-110» — далеко не последние слова, сказанные советской авиационной техникой в нынешнем году. К сорокалетию Великого Октября поднимается в воздух новый гигант — «Россия», на котором сто восемьдесят человек смогут совершить беспосадочное путешествие из Москвы до Хабаровска.

В эти дни машины, выставленные на Внуковском аэропорту, проходят летные испытания. С большой похвалой отзываются о них пилоты. Близко то время, когда о новых экспрессах пятого океана скажут свое доброволец слово и пассажиры.

На снимке: главный конструктор самолета «Украина» О. К. Антонов. Фото В. Савостьянова

МЫ ПРИЕХАЛИ в Подготовительный комитет фестиваля около восьми утра. Метлы дворников еще шуршили по мостовым, уличный репортер готовился заняться водными процедурами, и даже на дверях блочный еще висел замок.

Но в огромном сером доме с фестивальными ромашками на окнах уже кипела работа. Пестрое скопление машин у подъезда, веселая интернациональная очередь в справочное бюро, бесчисленные токи с корреспонденцией почтового отделения.

— Что вы, — ответил паренек, на чьей обложности лежит месть цифры в предфестивальном календаре. — Вы поздно приехали, товарищи. Это делается до шести утра.

— У нас выходной день сегодня, — как бы извиняясь, сказали

НЕ СКОЛЬКО ЧАСОВ...

нам в раздевалке, — поэтому сегодня гардероб только до одиннадцати вечера.

«Мы работаем круглосуточно», — старательно выводила большая буквы девушка — официантка столовой.

Так мы и не поняли, когда начинается и заканчивается здесь один из последних предфестивальных дней, насыщенный, как и другие, множеством событий, встреч, планов и дел, о которых мы собираемся сейчас рассказать.

— Ну ведь я же говорю вам, товарищ Бобровский, — тройка такою студенческим карнавалом? На каждом шагу концертные эстрады, торжественное шествие наук, танцевальные и песенные площадки, карусели... И потом ведь не меньше 30 тысяч человек. А площади на Ленинских горах не так уж и велики. Так что труппа тут не проходит, я точно вам говорю.

Две склонились над планом МГУ на Ленинских горах. Две — это Анатолий Бобровский и Илья Барон. Бобровский, режиссер фильма «Русский сувенир», который ставят по своему сценарию Григорий Александров, Барон — режиссер международного студенческого карнавала. Дело в том, что один из эпизодов буйного фильма должен происходить во время этого карнавала и в нем появляется тройка.

Пока Бобровский и Барон обдумывают маршруты тройки, в комнату входит Юрий Старченко, ответственный организатор Международного праздника песни и танца, которому будет посвящен целый фестивальный день — 4 августа. Рано утром этот праздник начнется передачами по радио и телевидению лучших русских и советских песен и танцев. После полудня в Парке имени Горького, Сокольниках, парках ЦДСА, Краснопресненской и на восьми самых больших московских площадях состоятся концерты песни и танца. На улицах, на бульварах, во дворах домов будут танцевать и лето. Этот день будет одним из самых радостных на фестивале. Говорят, что даже в московских пригородах будет слышно, как поет Москва. А вечером в заново отстроенным Зеленом

театре Парка имени Горького состоится международный концерт. Выступят зарубежные хоры, солисты, танцевальные коллективы. Сцена Зеленого театра тоже будет представлять собой зрительный зал — все участники концерта займет места на сцене.

Рассказ Юрия Старченко дополнил Олег Моралев, автор сценария и режиссер Праздника песни и танца. Вот о чем он говорил:

о киноколлекции, в котором вечером 4 августа будут идти фильмы о выдающихся деятелях песенного и танцевального искусства; о трансляции в Парке имени Горького записей выдающихся певцов прошлого и настоящего;

о студии звукозаписи, которая расположится где-нибудь недалеко от Зеленого театра, — каждый, кому захочется, сможет записать свой голос на пластинку и тут же получить.

Во время разговора раздаются быстрые, легкие шаги по коридору: девушки разносят письма. Оказывается, только что пришли дневные почты.

Мы зашли в 400-е почтовое отделение, когда фестивальная корреспонденция только что принесла. Начальник отделения Владимир Григорьевич Черный и его помощники раскладывали по секциям письма, газеты, журналы, посылки, телеграммы. В числе посылок — подарок будущим гостям Москвы — были якутская курта и носовые платки, вышитые ребярами одной из школ Краснодара, и эскимосский девичий kostюм.

— Вы знаете, наверное, — сказал нам Владимир Григорьевич Черный, — что наш номер 400-й не порядковый номер почты. В Москве нет ни 399-го, ни 398-го отделений. Чтобы обойтись было запоминать номер, выбрали простую цифру. Мы недавно напечатали в газете «Фестиваль» объявление, указав, куда адресовать всю фестивальную корреспонденцию. У нас даже календарный штемпель «особый, фестивальный». Вот посмотрите — губернатор под датой.

Владимир Григорьевич рассказывает нам все это, а в почтовом отделении передаются телеграммы, вызываются Пекин и Кейтайджун. Получают письма адресаты. Здесь отправляется каждый день более десяти тысяч писем, около пяти сотен телеграмм, сотни экземпляров газеты «Фестиваль».

Нас заинтересовал один концерт в секции писем — пухлый, огромных размеров. Вряд ли здесь письмо. Постойте, кому этот пакет адресован? Группе «Цветы, наша молодость». Что это за группа? А где она помещается?

Едем в лифте на 5-й этаж. На двери в конце коридора надпись: «Цветы, наша молодость». Открываем дверь.

— Вам письмо. Одна из двух девушек, сидящих в комнате, распечатывает пакет. Оказывается, что в пакете нет — целиком партитура.

— Что готовы ваша группа, зачем посыпаете нам пакет?

— Мы работаем над праздником открытия фестиваля, — отвечают девушки — Таня Лобова и Сима Григорьева. 28 июля советская молодежь покажет на Стадионе имени Ленина танцевальную спектакль «Цветы, наша молодость». Ее ставят балетмейстер Р. В. Захаров. Скоро в Москву приедут танцовщицы — по 150 человек от каждой труппы.

Рассказ прерывает телефонный звонок. Звонят из Габжихстана по поводу костюмов фестивальной делегации. Сима Григорьева не успевает положить трубку, как звонят второй телефон. Выывает Украина — сообщают, что выслали партитуру.

— А знаете, — говорит нам Таня Лобова, — ведь для Подготовительного комитета стои на целиу щас Счастья и Пяти фестивалей, ведь именно здесь пройдет 28 школ фестивального шествия...

Около одиннадцати вечера, как раз перед тем, как должен закрыться гардероб и начинать идти на «выходную» ночь, мы покидаем Подготовительный комитет. Разъехались машины. Уличный репортер может — скоро ночь. В домах гаснут огни. Но огромное здание с фестивальными ромашками в окнах сияет всеми праздничными огнями.

А. ПИСТУНОВА

ЯДОВИТАЯ ИСТОРИЯ

НА ПУТИ из Сталинграда в станицу Качалинскую мы увидели вблизи дороги труп степного орла. Хищник красавец с полутораเมตรами размахом крыльев лежал под телеграфным столбом. Пока мы рассматривали орла, из балокны вышли хуторские школьники — мальчик и две девочки. Мальчик держал за крылья двух мертвых грачей.

Что за окаязия? Какой непутевой охотник учинил здесь бессмыслицу пальбу? Я внимательно обследовал труп орла и не нашел никаких ранений.

Встреча эта произошла вблизи Дона девятого апреля. А в середине мая, проходя по окраинной улице Красной Слободы, что на левом берегу Волги, я увидел в водонапорнике среди мусора четырех мертвых скворцов и двух воробьев. Перевернули их белочкой, — раненый не виден. Видимо, в самом деле бьет птицу какая-то эпидемия. Обратился за разъяснением в охотничьи инспекции при Сталинградском облисполкоме. Руководитель инспекции К. Кравченко тяжело вздохнул.

— Да, жалко птиц. Вы говорите: два воробья, четыре скворца, два грача, один орел... При желании вы можете собрать в стеклышки весь труп птиц. Там лежат скворцы, воробьи, степные дрозды, жаворонки, перепела, куропатки, стрепеты, дрофы, утки, гуси, ястребы, угоды... любые пернатые в дюжине виде.

— Да что же такое с ними стряслось?

— Не эпидемия, это — отравление. В стеклах истребляют суплики отравленными приманками. Но приманки поедаются не только супликами, точнее сказать, не только супликами, сколько птицами и животными. Есть районы, где не осталось ни одного зайца. Число скворцов на территории Сталинградской области за два года сократилось в два раза, более половины скворцов погибли. Еще через пять лет скворцы станут редчайшей птицей...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
13 июля 1957 г. № 84

ИДЕЙНОСТЬ И МАСТЕРСТВО

(Начало на 1-й стр.)

жизненным волнам; как сложно бывает порой отыскать правильный путь, не споткнуться. Обо всем этом замечательно рассказывает пьеса В. Розова «В добный час».

Но, к сожалению, на эту тему других хороших произведений не создано.

Трудники целинных земель в своих письмах справедливо отмечают, что очень немногие литераторы побывали на пепелище. Но и среди этих товарищей почти не оказались зрелых и опытных писателей, которые смогли бы глубоко, поистине художественно раскрыть то новое, значительное, что там происходит.

В последние времена говорилось о производственных театрах, в которых допускалась самодеятельность, смелое экспериментирование, активное выдвигание артистическую молодежь, развивавшуюся у режиссеров творческую смелость, жажду драматизма. Вместе с драматургами театры должны искать новые формы, новые средства сценического воплощения тех или других произведений.

Мы делали попытки создавать балетные представления, концертные программы, например во Дворце спорта в Лужниках, вмещающем более 15 тысяч зрителей.

Из новых пьес последнего времени большой интерес вызывают «Фабричная девочка» А. Водолюба, «Сонет Петра Первого» Н. Погодина, «Вечный источник» Д. Зорина, «Город на заре» А. Арбузова (в новой редакции), «Дмитрий Стюарнов» Б. Левантовича, «Походный марш» А. Галича. Но появление этих пьес отнюдь не решает репертуарную проблему, особенно если говорить о произведениях на современную тему. И хотя сезона этого года был отмечен творческой активностью театров, к сожалению, в основном это происходило не за счет произведений, посвященных проблемам современности. Советская драматургия явно отстает от запросов зрителей, и это не возможностей театров.

На сцену часто проскальзывают скромные поделки, произведения низкого художественного уровня, лишенные глубокой мысли, полнокровных характеров, позволяющие спектаклю, о которых зрителю забывает прежде, чем дойдет от театра до своей квартиры.

Говорят, что драматургия — наиболее трудный жанр литературного творчества, что, мол, этим объясняется ее отставание. Верно, что драматургия — трудный жанр. Но ведь таким образом она должна искать пути, чтобы быть честным человеком.

Однако все это и многое другое не достаточно по-настоящему цели, если не исправить положение на фронте драматургии.

С драматургии неблагополучно не только в Российской Федерации, но и на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, в Республике Прибалтики, Закавказье. Поэтому нельзя не сожалеть о том, что в недавно прошедшем пленуме правления Союза писателей в большом колективном докладе секретариата и в прениях на конференции надо проявлять большую творческую инициативу.

Советский театр находит в себе отрывки из пьес первого писца, автора которого неизвестен.

Сейчас многое из этих произведений устаревало. Ликирован по рядок централизованного заказа пьес для театров; театрам предоставлено право самим выбирать пьесы для постановки.

Нашим драматургам порой не хватает требовательности к своему творчеству, а театры — большей взыскательности в отборе того, что они собираются ставить на сцене.

Иногда укоряют за то, что театры играют много пьес западных авторов. Это правильное замечание. Репертуарный политика — важное дело, но не наше. Их хотим обратиться к руководству Союза писателей с просьбой

— серьезно заняться проблемой советской драматургии, как проблемой огромного творческого потенциала, который имеется в виду.

Советский театр и искусство вдохновляют советских людей на исторические подвиги по строительству нового, коммунистического общества, являются активными помощниками народа — для него это созидательный труд.

Конечно, мы должны критиковать наши недостатки, критиковать сурово и нелицеприятно. Но при этом мы не можем и не должны забывать того, что наша отечественная литература стяжалась себе великую славу, уважение своей бескорыстной и

ДОБРОГО ПУТИ!

МОНТЕР

ПЕРЕД ПЕРВОЙ КНИГОЙ

СТИХИ
ИГОРЯ
ГРУДЕВА

Молодой поэт Игорь Грулев окончил Литературный институт. В свое время он работал в газете в Ставрополе. Участник Великой Отечественной войны. Готовит сейчас к печати свою первую книгу стихов.

Это очень ответственный момент в жизни молодого поэта. Перед ним лежат стихи разных лет, разного звуния. Только лучшие могут быть отобраны в книгу. Он печатается редко, и это еще больше заставляет его быть строгим в отборе.

Как у всякого много работающего молодого поэта, у Игоря Грудева стихи самого разного содержания. Есть поэзия любовная, есть лирическая, есть поэтические раздумья, есть стихи-афоризмы, состоящие из одного, двух четырехстиший.

Он хочет сказать свое слово, внести в поэтическую необычность мира свое ощущение. И это ощущение необычного, ощущение свежести живет в нем. Он любит мысль и строгость в стихах, — недаром он поставил первым стихотворением в своей рукописи «Семь цветов радуги»:

Серебряный лил дождь
в луках весенних,
Шли белые по синке облака,
А по земле бежали светотени,
Текла зелено-желтая река.
Чудесный день, Я разобрать не в силах
Мильон цветов волшебной красоты.
Но радуга взошла и облынила
Всю первозданность сложной простоты.

Самая обычайная профессия полна для него поэтического содержания. Будь то санитарка в пыль боя, или монтер, чинящий провода, или кузнец, вернувшийся с войны для мирной работы, или горняк, проводящий жизнь в темноте шахты, — во всем Игорь Грулев видит отражение поэтического. Санитарка покажется тяжелым раненым скаженным образом из детства, кузнец принесет «войны покоренной пламя» в свой мирный потасканный горн, девушка, взрастившая колос среди засушливых полей, увидит его гигантским бронзовым на выставке, где он дрожит «алмазной дрожью, передираясь серебром».

У Игоря Грудева есть условное название своей книги: «Звезды в траве». В стихотворении с таким называнием падают ночью в траву звезды и «пахнут все осоками звезд землей и травой».

Мне кажется, что у молодого поэта уже есть достаточно стихотворений, чтобы из них сложилась первая его книга, где найдут отражение все его поэтические раздумья и лирические волнения. Пусть же эта книга строгих и спрятанных стихов с большим содержанием встретится с широким читателем и найдет свое место среди книг молодых наших поэтов.

И пусть это случится в ближайшие времена — без той долгой отсрочки, которая иногда бывает с книгами молодых.

Николай ТИХОНОВ

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ПО ПРАВУ, ПО ДОЛГУ

В ПОСЛЕДНЕЙ, «весенней» книжке воронежского журнала «Подъем» («последней» потому, что маиско-июньского номера подписаны до сих пор так и не получили) среди множества различных материалов, похожий, не сразу заметишь, два довольно скромные на первый взгляд подборки. Они скромны, не броски, но попробуй их вынуть из номера, и книжка определенно поблекнет, потеряет частицу того, что составляет индивидуальность, творческое лицо журнала. Поэтому и хочется сказать об этом особо, привлечь к полборкам внимание читателей.

Первая из них — несколько стихотворений Валентина Шульцева. Прочитав стихи, невольно еще раз воз врашаешься к вступлению, предпосланному самим автором, против которого «черным словом, ядом и обрезом» кульчев вставало на пути, кто принял смерть за народное дело, «как смертей героя» (Горький!). Уже в первой книге «Подъема» местные литераторы опубликовали ряд таких произведений. Во второй книжке даны сказы о героязме («Овчину красной сметке, соборы» (Ф. Потаповы) малозвестные пословицы и поговорки. Трудно удивляться, чтобы не привести некоторые из них — мудрые, глубокие, порой насыщенные смыслом, как правило, удивительно злободневные. Вот они: «Удача не бела, бела не поддается», «Солнце ясно и за тучами», «Счастье не в кошельке, счастье — в руках». «Червяков яблоко на ветке» — до первого ветра, «Овчу не шуба, а корыга греет». «И красивые цветники ядовиты бывают». Или эта вот — лукавая, зорная: «Шила мимо ки сечь, вышибла рука»...

Замечательно, что стихи поэта-партизана снова появлялись в воронежском журнале именно в нынешнем году, когда мы поименно вспоминаем всех, кому Родину обязана своим великим сорокалетием, против кого «черным словом, ядом и обрезом» кульчев вставал на пути, кто принял смерть за народное дело, «как смертей героя» (Горький!). Отрадно бережное отношение молодого журнала к тому, что уже стало литературным наследством вместе с тем продолжает оставаться живо-трепещущей, неувядаемой страницей в нашем литературном богатстве.

Кстати сказать, в этом же номере «Подъема» впервые опубликованы и главы неизвестной повести своего земляка Ивана Волынского — авторского писателя и человека сложной судьбы, который, по словам М. Горького, «горячо взялся за трудную работу организации деревни на началах колLECTIVИЗАЦИИ и после смерти «был похоронен как настоящий революционер».

Вторая подборка в «Подъеме» интересна уже одним тем, что она существует. Речь идет об отделе «Народное творчество». Теперь, когда он появился здесь, как-то острые почучивания становились обида за нашу фольклористику, от которой столь преисполнено отечества, что по-зимнему суховея не может потных высунуть руки, вский раз это было истинно поэтическое введение мира, это шло от сердца, от больших чувств. Его стихи, написанные в давние годы, еще до войны, звучат по-сегодняшнему. Их жизнелюбие, мужественность не могут не найти духовного отклика даже у тех, кто иные смутно представляет, каков из себя «подкулачник», глядящий «с грустью на музлюк колхоза», и почему у трактора, забурдоживающего все село, такая редкостная марка — «Интер»... Стихи прошли сквозь самое трудное испытание времени.

Он был талантливым человеком. Молодого сельского учителя, заочно с отличием окончившего педагогический институт, ждала аспирантура, когда обрнулась война. Он оставил книжки и пошел воевать. В боях — с первых дней. В плен. В партизанском отряде — после побега из концлагеря. Среди его стихов, которые печатались тогда в партизанской газете, было одно, посвященное памяти товарища:

называют мудростью народа, народным знанием, которая неразрывно связана с вопросом о народности поэзии» (Белинский) и где созданы «как более глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев» (Горький!). Уже в первой книге «Подъема» местные литераторы опубликовали ряд таких произведений. Во второй книжке даны сказы о героязме («Овчину красной сметке, соборы» (Ф. Потаповы) малозвестные пословицы и поговорки. Трудно удивляться, чтобы не привести некоторые из них — мудрые, глубокие, порой насыщенные смыслом, как правило, удивительно злободневные. Вот они: «Удача не бела, бела не поддается», «Солнце ясно и за тучами», «Счастье не в кошельке, счастье — в руках». «Червяков яблоко на ветке» — до первого ветра, «Овчу не шуба, а корыга греет». «И красивые цветники ядовиты бывают». Или эта вот — лукавая, зорная: «Шила мимо ки сечь, вышибла рука»...

Замечательно, что стихи поэта-партизана снова появлялись в воронежском журнале именно в нынешнем году, когда мы поименно вспоминаем всех, кому Родину обязана своим великим сорокалетием, против кого «черным словом, ядом и обрезом» кульчев вставал на пути, кто принял смерть за народное дело, «как смертей героя» (Горький!). Отрадно бережное отношение молодого журнала к тому, что уже стало литературным наследством вместе с тем продолжает оставаться живо-трепещущей, неувядаемой страницей в нашем литературном богатстве.

Кстати сказать, в этом же номере «Подъема» впервые опубликованы и главы неизвестной повести своего земляка Ивана Волынского — авторского писателя и человека сложной судьбы, который, по словам М. Горького, «горячо взялся за трудную работу организации деревни на началах колLECTIVИЗАЦИИ и после смерти «был похоронен как настоящий революционер».

Вторая подборка в «Подъеме» интересна уже одним тем, что она существует.

Речь идет об отделе «Народное творчество».

Теперь, когда он появился здесь, как-то острые почучивания становились обида за нашу фольклористику, от которой столь преисполнено отечества, что по-зимнему суховея не может потных высунуть руки, вский раз это было истинно поэтическое введение мира, это шло от сердца, от больших чувств. Его стихи, написанные в давние годы, еще до войны, звучат по-сегодняшнему. Их жизнелюбие, мужественность не могут не найти духовного отклика даже у тех, кто иные смутно представляет, каков из себя «подкулачник», глядящий «с грустью на музлюк колхоза», и почему у трактора, забурдоживающего все село, такая редкостная марка — «Интер»... Стихи прошли сквозь самое трудное испытание времени.

Он был талантливым человеком. Молодого сельского учителя, заочно с отличием окончившего педагогический институт, ждала аспирантура, когда обрнулась война. Он оставил книжки и пошел воевать. В боях — с первых дней. В плен. В партизанском отряде — после побега из концлагеря. Среди его стихов, которые печатались тогда в партизанской газете, было одно, посвященное памяти товарища:

называют мудростью народа, народным знанием, которая неразрывно связана с вопросом о народности поэзии» (Белинский) и где созданы «как более глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев» (Горький!). Уже в первой книге «Подъема» местные литераторы опубликовали ряд таких произведений. Во второй книжке даны сказы о героязме («Овчину красной сметке, соборы» (Ф. Потаповы) малозвестные пословицы и поговорки. Трудно удивляться, чтобы не привести некоторые из них — мудрые, глубокие, порой насыщенные смыслом, как правило, удивительно злободневные. Вот они: «Удача не бела, бела не поддается», «Солнце ясно и за тучами», «Счастье не в кошельке, счастье — в руках». «Червяков яблоко на ветке» — до первого ветра, «Овчу не шуба, а корыга греет». «И красивые цветники ядовиты бывают». Или эта вот — лукавая, зорная: «Шила мимо ки сечь, вышибла рука»...

Замечательно, что стихи поэта-партизана снова появлялись в воронежском журнале именно в нынешнем году, когда мы поименно вспоминаем всех, кому Родину обязана своим великим сорокалетием, против кого «черным словом, ядом и обрезом» кульчев вставал на пути, кто принял смерть за народное дело, «как смертей героя» (Горький!). Отрадно бережное отношение молодого журнала к тому, что уже стало литературным наследством вместе с тем продолжает оставаться живо-трепещущей, неувядаемой страницей в нашем литературном богатстве.

Кстати сказать, в этом же номере «Подъема» впервые опубликованы и главы неизвестной повести своего земляка Ивана Волынского — авторского писателя и человека сложной судьбы, который, по словам М. Горького, «горячо взялся за трудную работу организации деревни на началах колLECTIVИЗАЦИИ и после смерти «был похоронен как настоящий революционер».

Вторая подборка в «Подъеме» интересна уже одним тем, что она существует.

Речь идет об отделе «Народное творчество».

Теперь, когда он появился здесь, как-то острые почучивания становились обида за нашу фольклористику, от которой столь преисполнено отечества, что по-зимнему суховея не может потных высунуть руки, вский раз это было истинно поэтическое введение мира, это шло от сердца, от больших чувств. Его стихи, написанные в давние годы, еще до войны, звучат по-сегодняшнему. Их жизнелюбие, мужественность не могут не найти духовного отклика даже у тех, кто иные смутно представляет, каков из себя «подкулачник», глядящий «с грустью на музлюк колхоза», и почему у трактора, забурдоживающего все село, такая редкостная марка — «Интер»... Стихи прошли сквозь самое трудное испытание времени.

Он был талантливым человеком. Молодого сельского учителя, заочно с отличием окончившего педагогический институт, ждала аспирантура, когда обрнулась война. Он оставил книжки и пошел воевать. В боях — с первых дней. В плен. В партизанском отряде — после побега из концлагеря. Среди его стихов, которые печатались тогда в партизанской газете, было одно, посвященное памяти товарища:

называют мудростью народа, народным знанием, которая неразрывно связана с вопросом о народности поэзии» (Белинский) и где созданы «как более глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев» (Горький!). Уже в первой книге «Подъема» местные литераторы опубликовали ряд таких произведений. Во второй книжке даны сказы о героязме («Овчину красной сметке, соборы» (Ф. Потаповы) малозвестные пословицы и поговорки. Трудно удивляться, чтобы не привести некоторые из них — мудрые, глубокие, порой насыщенные смыслом, как правило, удивительно злободневные. Вот они: «Удача не бела, бела не поддается», «Солнце ясно и за тучами», «Счастье не в кошельке, счастье — в руках». «Червяков яблоко на ветке» — до первого ветра, «Овчу не шуба, а корыга греет». «И красивые цветники ядовиты бывают». Или эта вот — лукавая, зорная: «Шила мимо ки сечь, вышибла рука»...

Замечательно, что стихи поэта-партизана снова появлялись в воронежском журнале именно в нынешнем году, когда мы поименно вспоминаем всех, кому Родину обязана своим великим сорокалетием, против кого «черным словом, ядом и обрезом» кульчев вставал на пути, кто принял смерть за народное дело, «как смертей героя» (Горький!). Отрадно бережное отношение молодого журнала к тому, что уже стало литературным наследством вместе с тем продолжает оставаться живо-трепещущей, неувядаемой страницей в нашем литературном богатстве.

Кстати сказать, в этом же номере «Подъема» впервые опубликованы и главы неизвестной повести своего земляка Ивана Волынского — авторского писателя и человека сложной судьбы, который, по словам М. Горького, «горячо взялся за трудную работу организации деревни на началах колLECTIVИЗАЦИИ и после смерти «был похоронен как настоящий революционер».

Вторая подборка в «Подъеме» интересна уже одним тем, что она существует.

Речь идет об отделе «Народное творчество».

Теперь, когда он появился здесь, как-то острые почучивания становились обида за нашу фольклористику, от которой столь преисполнено отечества, что по-зимнему суховея не может потных высунуть руки, вский раз это было истинно поэтическое введение мира, это шло от сердца, от больших чувств. Его стихи, написанные в давние годы, еще до войны, звучат по-сегодняшнему. Их жизнелюбие, мужественность не могут не найти духовного отклика даже у тех, кто иные смутно представляет, каков из себя «подкулачник», глядящий «с грустью на музлюк колхоза», и почему у трактора, забурдоживающего все село, такая редкостная марка — «Интер»... Стихи прошли сквозь самое трудное испытание времени.

Он был талантливым человеком. Молодого сельского учителя, заочно с отличием окончившего педагогический институт, ждала аспирантура, когда обрнулась война. Он оставил книжки и пошел воевать. В боях — с первых дней. В плен. В партизанском отряде — после побега из концлагеря. Среди его стихов, которые печатались тогда в партизанской газете, было одно, посвященное памяти товарища:

называют мудростью народа, народным знанием, которая неразрывно связана с вопросом о народности поэзии» (Белинский) и где созданы «как более глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев» (Горький!). Уже в первой книге «Подъема» местные литераторы опубликовали ряд таких произведений. Во второй книжке даны сказы о героязме («Овчину красной сметке, соборы» (Ф. Потаповы) малозвестные пословицы и поговорки. Трудно удивляться, чтобы не привести некоторые из них — мудрые, глубокие, порой насыщенные смыслом, как правило, удивительно злободневные. Вот они: «Удача не бела, бела не поддается», «Солнце ясно и за тучами», «Счастье не в кошельке, счастье — в руках». «Червяков яблоко на ветке» — до первого ветра, «Овчу не шуба, а корыга греет». «И красивые цветники ядовиты бывают». Или эта вот — лукавая, зорная: «Шила мимо ки сечь, вышибла рука»...

Замечательно, что стихи поэта-партизана снова появлялись в воронежском журнале именно в нынешнем году, когда мы поименно вспоминаем всех, кому Родину обязана своим великим сорокалетием, против кого «черным словом, ядом и обрезом» кульчев вставал на пути, кто принял смерть за народное дело, «как смертей героя» (Горький!). Отрадно бережное отношение молодого журнала к тому, что уже стало литературным наследством вместе с тем продолжает оставаться живо-трепещущей, неувядаемой страницей в нашем литературном богатстве.

Кстати сказать, в этом же номере «Подъема» впервые опубликованы и главы неизвестной повести своего земляка Ивана Волынского — авторского писателя и человека сложной судьбы, который, по словам М. Горького, «горячо взялся за трудную работу организации деревни на началах колLECTIVИЗАЦИИ и после смерти «был похоронен как настоящий революционер».

Вторая подборка в «Подъеме» интересна уже одним тем, что она существует.

Речь идет об отделе «Народное творчество».

